

Моск. комсомолец. — 1997. — 11 окт. — с. 2

ДОСУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Три года ты мне снилась

Первая жена Марка Бернеса умерла рано от рака, оставив 3-летнюю Наташу. Четыре года вдовства он перенес стойчески. И вот настал день, когда он привел свою Наташу во вторую французскую школу в Банном переулке, недалеко от дома. Цветы, улыбки, нарядная детвора. В этой праздничной суете Марк обратил внимание на молодую женщину, в огромных синих глазах которой он прочел восхищение ее сыном. Тогда Лилия Михайловна была с мужем. Он-то и представил Марку свою жену. На первом родительском собрании учительница посадила отцов-матерей за парты, где сидели их дети. Марк оказался рядом с Лилией... Судьбе угодно было начать увлекательный и драматичный роман. Марк только что вернулся из Франции, привез пластинки Азнавюра, чья популярность захватила Москву, и позвал Лилию к друзьям послушать. Он умел красиво ухаживать. Немногословный, сердечный, он обворожил Лилию незнакомым ей раньше поклонением женщине.

И в результате — одна семья распалась, а в новой — счастливой — оказалось двое детей.

— Когда мы привезли Жану в эту квартиру первый раз, — говорит Лилия Михайловна, — он с удовольствием играл с Наташей, и только когда я сказала: «Сейчас мы поедем на Калужскую и привезем сюда твою постель», он сделал большие глаза: «А зачем?» Ему было семь лет, но он сделал выбор, как взрослый. Жан довольно быстро сказал Марку «папа». А Наташа долго не называла меня мамой. Она меня никак не называла. Мы много с Марком ездили. Надо было зарабатывать деньги. В нашей большой семье была еще домработница. Бернес получал тогда копейки — по 12,5 рубля за выступление, ведь у него была низкая ставка «разговорника». Но однажды он летел в Ташкент вместе с министром культуры Фурцевой и показал ей собранные им справки о том, какие денежные сборы дают его концерты. Удивленная Фурцева после этого разговора пообещала ему ставку — 225 рублей. Эти деньги должен был платить Москонцерт.

За время болезни жены и вдовства Марк совершенно не следил за квартирой, и она оказалась очень запущенной, как будто там живет не артист, а какой-нибудь водопроводчик. Мы с ним начали долгий ремонт, затянувшийся на полгода. Марк даже гвоздика вбить не умел. Он был уже немолод и чувствовал себя неважно. Всегда жаловался на сердце и еще не знал, что подтачивал его силы рак. На его концертах, вести которые он доверял мне, я даже микрофон носила: ему все было тяжело.

Любимый дом, любимая семья

В холле двухкомнатной квартиры теперь есть музейная стена — она вся в фотографиях Бернеса. Двери единственной комнаты Лилии Михайловны широко распахнуты, идеальная чистота и прекрасный дизайн. Нет вещей дорогих, но что есть — подобрано со вкусом. Здесь многое Марк любил, вот, например, эти акварели 12-летней Гали Ваншенкиной, дочери поэта Константина Ваншенкина, чьи стихи «Я люблю тебя, жизнь» Бернес превратил в шлягер целого поколения. На рисунке, выполненном глухонемым художником Масютиным, дети — Наташа и Жан. Картины, написанные маслом, — подарок польского художника Закшевского Марку. Акварель Волошина... В выступе у окна — имитация камина.

На кухне за большим столом сживали именитые гости: американский посол Томсон с женой, министры посольства Франции, Канады... Однажды позвонил Володя Высоцкий: «Марк Наумович, я хочу к вам зайти». — «С удовольствием, Володя». Пришел Высоцкий с гитарой, пел свои песни, стихи читал. И Бернес сказал Высоцкому: «Мне нравятся многие твои стихи. Но, Володенька, мне нужна мелодия. Твою мелодию я спеть не смогу». Правда, одну песню Высоцкого «На братских могилах не ставь крестов» он все-таки исполнил в одном из фильмов. К Володе он относился идеально, все его песни были записаны у него на магнитофоне и прослушивались не раз. Марк мог и заплакать над ними...

Три года назад эту прекрасную кухню залили сверху кипятком, при ремонте лопнула труба, и 12 часов никто не мог остановить этот поток. Л.М. вновь ремонтировала, меняла полки, разбухшие двери. Этот последний ремонт был для нее особенно разорителен. Она только что получила гонорар за компакт-диск Бернеса, и он весь ушел на латание дыр.

— Мой сын не то что не принял материального участия в ремонте — он даже не помог здесь что-то подвинуть или переставить.

Наташа и Жан

— Марк очень строго относился к детям. Я раньше обижалась, когда он упрекал меня: «Ты так много сил тратишь на детей, а ведь у них вся жизнь впереди. Это у нас с тобой неизвестно, сколько осталось». Он ревновал меня к ним. Я делала с ними уроки, а потом проверяла, читала им, ходила в школу. Теперь-то я понимаю: Марк не получал от меня столько внимания, сколько он заслуживал. А когда дети подросли, в классе 7—8-м, Марк очень любил всюду появляться с ними и гордился: «Вот какой у меня сын!» Но и об их недостатках он говорил довольно резко. Однажды он сказал Наташе: «Вот бы вас двоих соединить, взболтать и разделить — были бы идеальные дети». У Жана был необыкновенный контакт с Марком. А Наташа... Я с ней не сюсюкала, просто любила ее и во всем помогала. Она закончила восточный факультет МГУ, изучала турецкий и французский. Французский им в 10-м классе преподавала настоящая французка. А когда Наташа уезжала в Америку, она уже знала хорошо английский, успела поработать в издательстве «Детская литература» и выйти замуж за студента нефтяного института, ставшего позднее деловым человеком. У Наташи родился сын, но брак этот распался, а мальчик носит имя деда — живет теперь в США 22-летний Марк Бернес. У молодого американца нет любви к Москве, к московскому житию-бытию деда, его не тянет посетить его могилу. Он сейчас служит в армии по контракту. Но вот что любопытно: не Наташа, а ее бывший муж настоял, чтобы мальчик носил полное имя Марка Бернеса. Я приезжала к Наташе в Америку, когда она уже была замужем второй раз за американцем. Новый муж — американец (старше ее на 10 лет), однажды

привел в дом к Наташе русскую девушку, на 25 лет моложе его, и сказал жене: «Разбирайтесь!» Наташа собрала вещи и на другой день ушла от мужа. Два года ожидала развода. Вот только с работой у нее действительно все хорошо.

Наташа Бернес строит свою жизнь сама, всего добивается своим трудом. Иной путь выбрал Жан Бодров (он носит девичью фамилию матери). В третьем браке он был «осчастливлен» отцовством. Однако ни жена Зина, ни дочка Люся счастья с ним не видели. Девочке уже 10 лет, но никогда Зина не получа-

а доме №1 по Малой Сухаревской установлена мемориальная доска в честь всенародно любимого артиста Марка Бернеса. Память о муже все 27 лет своего вдовства хранит Лилия Михайловна Бернес-Бодрова. Ей сейчас 68 лет, а овдовела она в 40 и ни разу больше не выходила замуж. Горе и болезни подтачивают силы, со всеми недугами справляется эта женщина, но предательство собственного сына оказалось тяжелее, чем множество перенесенных хирургических операций. Ее любимый и некогда любящий сын Жан, 44-летний мужчина, не имеющий никаких заслуг, даже обыкновенного служебного стажа, живущий в основном у своих женщин, подал в суд на родную мать. Он поставил перед ней дилемму: «Купи мне квартиру за 60 тысяч долларов, или я подаю в суд». — «А на что я куплю, получая 330 тысяч рублей пенсии?» — «Меня это не интересует. Вот отсужу у тебя комнату и поселю туда чеченцев».

Марк Бернес жил в этой квартире задолго до того, как там появился Жан. Это единственное место, где до сих пор обитает его душа, хранятся архивы. А между тем 13 октября бедную женщину вызывают на судебное разбирательство по разделу площади...

ли алиментов от бывшего супруга. Недавно она решила потребовать у Жана Бодрова денег на воспитание дочери через суд, и тут обнаружилась скрытая ржавчина на психологии ответчика: он бесконечно завидует всем — матери, что она выжила с двумя детьми без Марка Наумовича и теперь полностью содержит себя и дом; завидует третьей жене: надо же — уезжала с дочерью отдыхать за границу! А он ничего не может, кроме одного. И в 44 года Жан по-прежнему импозантен, производит нужное сексапильное впечатление на сочных дам, готовых дать ему все за удовольствие его иметь.

В глубине души Лилия Михайловна любит сына и не желает ему дурного. Она хотела

бы им гордиться — но увя. Для своих детей она сделала почти невозможное. Марка уже не было на свете, когда дети поступили в институт. Правда, Жан зачислили чуть раньше, а Наташе еще предстояло сдавать экзамены. И Лилия мучила себя вопросами: а вдруг Наташа не поступит? Люди скажут: «Своего устроила, а о падчерице не позаботилась». Наташа и Жан не были отличниками и особого усердия в учебе не выказывали. Жан поступил во ВГИК на международный операторский факультет вовсе не благодаря французскому происхождению своего отца, а благодаря памяти о Марке Бернесе: здесь работали люди, близко знавшие его, — Медынский, Волчек, Кармен. Они рады были бы помочь пусть и не родному сыну умершего Бернеса.

— Со второго курса я отправила Жану в армию, потому что его должны были выгнать за прогулы. Служил он в Чите, мне туда было не добраться, и однажды в Читу поехал с концертом Иосиф Кобзон — они очень дружи-

Бернес не знал. Ему говорили, что у него инфекционный радикулит: «Полечим, поможем». Положили Марка Наумовича в институт на Хорошевке с этим предполагаемым радикулитом. В первый же день сделали послыйный рентген легких и нашли рак. Срочно перевели на Пироговку к Перельману, но и знаменитый Перельман не в состоянии был сотворить чудо. Он только призывал жену Марка Наумовича набраться терпения — предстоит столько вынести. У Бернеса оказался неоперабельный рак корня легких. Облучать больного перевели в Кунцево, в радиологический корпус.

— За 51 день его пребывания в больнице я похудела на 18 килограммов. У меня открылось язвенное кровотечение, я не ела, не пила — мне было некогда. Утром бежала в Кунцево. Когда он засыпал, я в темноте мчалась к шоссе, чтобы проголосовать и доехать к детям. Когда Марк уже не мог даже голову повернуть, у постели собрались врачи — они знали: начинается агония. Я стояла в торце кровати, держась за ее спинку, и не могла себе позволить плакать — надо было глядеть ему в глаза. Но он все-таки заметил, что я еле держусь на ногах, и сказал: «Уйди, тебе же тяжело». И я чуть-чуть отодвинулась, чтобы скрыться в закутке, он тут же позвал: «Куда ты?» Это были его самые последние слова.

Он хотел жить, говорил врачам с улыбкой: «Погодите, я поправлюсь — и такой вам концерт закажу». Марк понимал, как тяжело он болен, и однажды при врачах у него вырвалось: «Если бы я мог взять ее с собой, я бы ушел спокойно». Друзья говорят о Лилии Михайловне, что она продала жизнь Бернесу, и продала ее красиво. Еще когда Марк Наумович лежал в клинике на Пироговке у Перельмана, он попросил Жану сходить в Дом звукозаписи и записать четыре песни: «Я люблю тебя, жизнь», «Журавли», «Три года ты мне снилась» и «Почему ты мне не встретишься?» и сказал как бы в шутку: «Чтобы эти песни звучали на моих похоронах и чтоб никаких оркестров и никаких хвалебных речей. Чтобы прощались со мной под мои песни...» Волю его выполнили.

На следующий день после кончины артиста в дом к Лиле пришел Лев Кулиджанов, попросил рюмку водки с куском черного хлеба — помянул умершего — и сказал: «Лилия, Марк не дожид до понедельника, когда должен

ВДОВА МАРКА БЕРНЕСА:

"КТО ЖЕ СПАСЕТ МЕНЯ ОТ СОБСТВЕННОГО СЫНА?"

ли с Марком. Я дала ему номер полевой почты сына, Кобзон нашел эту часть, но сыну не разрешили повидаться с другом отца. И он прямо на концерте сказал: «Здесь в такой-то части служит сын Марка Бернеса. Я хотел его увидеть, но меня не пустили». В зале сидел командующий военным округом и приказал немедленно привести Жана в парадной форме на концерт. До сих пор я благодарна Кобзону — только добрый и отзывчивый человек способен на поступок. Такое не забывается. Но моему сыну память совсем отказала.

Я люблю тебя, жизнь

Накануне дня рождения Марка Наумовича (он родился 8 октября 1911 года) мы сидим с Лилией Михайловной на кухне, вспоминаем маленькие бытовые детали их прежнего жития-бытия. Я пила кофе, а хозяйка — чай. Она рассказывала, что Марк кофе не любил — только чай. Жирное не ел — не терпел, он вообще довольствовался самым простым. В одежде был строг, костюмы ему шил портной из Театра киноактера, хорошо знавший достаточно сложную фигуру артиста. Цветных рубашек не любил, надевал только белые. Сидит, бывало, у стола, листает томики со стихами, читает, выбирает, что бы спеть, поскольку все меньше было интересных предложений сняться в кино. Один раз позвонил Козинцев и сказал, что думает снять его в «Короле Лире». Марк до небес летал, но почему-то звонок от «Лира» не повторился. Последние кинороли Бернес играл ради «простых» денег, которые полагались занятым на съемках. На сцене Марк Бернес был великолепен. Играл и светился его глаза, покорила обаятельная улыбка артиста, зрители обожали его песни, особенно из «Двух бойцов». Над любимыми «Журавлями» он работал долго и увлеченно.

— У Гамзатова и у переводчика Наума Гребнева были не солдаты, а джигиты, ведь стихи поэт написал об аварской семье. На моих глазах Марк чуть не дрался с Гребневым, доказывая необходимость своих изменений в тексте, а Гребнев с придыханием говорил: «Марк, ты же не поэт, не переводчик». — «Я певец, знаю, какое слово будет петься!» «Журавли» — это реквием Марка Бернеса, его последняя песня. Он записывал «Журавлей», уже будучи смертельно больным. Многие не слышат в его исполнении спазм в горле, когда он поет:

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане, на исходе дня.
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.

О своей близкой трагической смерти

быть подписан указ о присвоении ему звания народного артиста СССР». Остался Бернес народным артистом России.

— А дальше начались новые мытарства: где похоронить Бернеса? Еще на Пироговке он шутил сказал: «Было бы хорошо, если бы меня похоронили на Новодевичьем». Но я в ответ только шутила и уводила мужа от мрачных предчувствий... Многие помогли мне, чтобы его действительно похоронили там. Похороны были очень многолюдными. Вокруг Дома кино творилось невообразимое. На кладбище бежали по могилам, чтобы попрощаться. От правительства никто не пришел. Для него артисты были вроде скоморохов, чтобы развлекать. Марк в этом никогда не участвовал. Однажды мы были на гастролях в Одессе, к Марку пожаловал «устроитель» и попросил попеть вечером на какой-то важной даче — за деньги, разумеется. Марк отрезал: «Простите, я дома не пою. Я актер, а не скоморох...»

Суд да дело

Теперь сын требует от матери квартиру в районе Садового кольца или угрожает коммуналкой. На размен квартиры Лилия Михайловна не может согласиться. Здесь все, все, как было при Марке. Разрушить это было бы для нее равносильно убийству. Она этого не переживет. Но и железная хватка сына стала непереносимой. Наедине с матерью этот красавец мужчина становится неузнаваем. Оскорбления не в счет, он позволяет себя непозволительно.

— Жан дебоширил, разбил, например, стеклянный стол. Разбил вот на этой лестнице голову своей третьей жене, матери своего единственного ребенка. Я, конечно, виновата, что он такой. Я не смогла заставить его работать. Физически не смогла...

Итак, 13 октября состоится суд по иску Жана Бодрова к своей матери. Этот человек настаивает на своих правах. А как он представляет свои обязанности перед ней и перед обществом? Если бы ему было до 20 лет, то можно было бы сочувственно сказать, что он нуждается в материнской площади. Но все эти годы Жан Бодров никогда не отвечал за содержание этой квартиры, за ее ремонт, не платил за жилье и эксплуатацию. И давно не проживает в квартире Бернеса. Как это по-французски называют мужчину, живущего за счет женщин? По-русски слово звучит неприлично.

Наталья ДАРДЫКИНА.